

Страсти кипят, а загадки остаются

ДИСПУТ

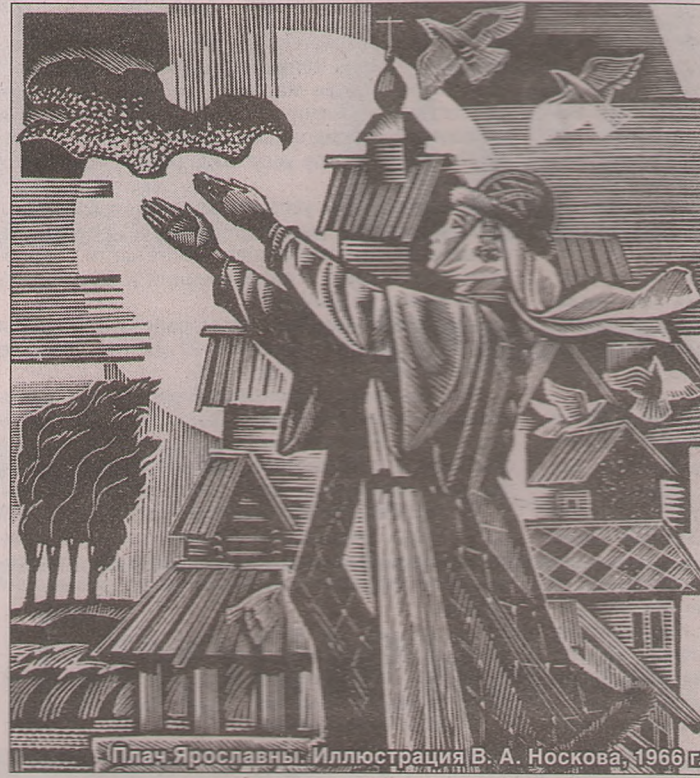
Никакие самые хлопотные заботы о хлебе насущном, как видно, настоящим поклонникам «Слова о полку Игореве» не страшны. Воскресным днём их ярославский клуб во главе с инженером-строителем Геннадием Хирцовым собрался для обсуждения сенсационной гипотезы авторства шедевра, высказанной в публикации «Северного края» («Авторское право князя Константина», номер за 10 декабря прошлого года) доктором филологии, профессором педуниверситета имени К. Д. Ушинского Германом Филипповским.

Почти трёхчасовой диспут на тему «Ярославец ли автор «Слова о полку Игореве?»» проходил в историко-архитектурном музее-заповеднике. Место выбрано было самое то: по общепринятой версии в ризнице книгохранилища Спасо-Преображенского собора единственный список поэмы и был найден. В этих стенах при непосредственном участии одного из учителей Филипповского — академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва открыта была единственная в мире посвящённая поэме постоянная экспозиция.

Открывая диспут, исследователь постарался раскрыть логику своих размышлений. Образ поэта выразительно передаёт сам стиль поэмы — православного христианина, храброго, но миролюбивого воина,

интеллектуала, знающего латынь и греческий, человека обострённой совести. Константин родился на следующий год после похода, но жил он во времена не стихающей братоубийственной княжеской розни. Сам ходил на половцезем вместе с отцом, великим князем Всеволодом, а на злобу дня мог ответить сюжетом из недалёкого прошлого — такой приём филолога называют «исторической ретроспекцией».

Гипотеза вызревала много лет. Облик безымянного автора поэмы всё отчётливее проступал в статьях Филипповского, собранных под обложкой в новом сборнике «Динамическая поэтика русской литературы», изданном в Санкт-Петербурге. Оставалось обнаружить имя поэта, и вот настал

Плач Ярославны. Иллюстрация В. А. Носкова, 1966 г.

час — учёный, наконец-то, на это решился.

Как и следовало ожидать, доводы профессора попали под «перекрёстный огонь» самых разных суждений — от ос-

торожных сомнений, высказанных заведующей отделом древнерусской литературы музея-заповедника Анастасией Мандрукевич, до самых искренних, пылких похвал по адресу авто-

ра гипотезы от артиста Анатолия Соколовского. Отрывок «Злато слово Святослава» в его исполнении из посвящённого поэме фильма Рэма Юстинова стал своеобразным прологом к обсуждению.

«Вполне обоснованной» назвал новую гипотезу писатель из Семibrатова Борис Сударушкин. По состоянию здоровья он не мог приехать в Ярославль и своё участие обозначил подробным письмом. Напомнил Борис Михайлович и о ростовской версии авторства «уединённого памятника» — так пушкинскими словами назвал он свою раннюю повесть о загадках древнерусского шедевра.

Его сын молодой историк покойный Михаил Сударушкин уверенно утверждал, что поэма была написана при жизни князя Константина, основателя первой на северо-востоке Руси школы «толмачей», переведённой затем из Ярославля в Ростов. Вслед за отцом упорно задавался Сударушкин-младший вопросом: а не был ли этот образованный книжник первым владельцем авторского текста, в котором об его отце Всеволоде Большое Гнездо сказаны такие завидные слова — Волгу вёслами мог «раскропити»!

Ещё один полемист — педа-

гог Александр Симакин, исследователь «Слова», автор его стихотворной версии (издана в Ярославле в 2003 году) считал открытое письмо профессору Филипповскому. «Было чрезвычайно интересно, — сказано в нём, — познакомиться с вашей оригинальной версией». Однако газетная публикация, по его мнению, «оставляет неясным, возможно, самое главное: была ли предпринята уважаемым профессором попытка сличения «Слова» и каких-либо текстов, принадлежащих или приписываемых князю Константину».

«Пока этого не будет сделано, — выносит своё резюме автор открытого письма, — интересная версия выглядит недостаточно аргументированной».

На прощание Герман Юрьевич Филипповский получил от своих оппонентов нечто вроде творческого заказа: на одном из вечеров в читательском клубе Лермонтовской библиотеки «побольше рассказать о князе Константине». Сам профессор убеждён, что личность и судьба этого интеллектуала, поэта, воина-миротворца «недостаточно оценена в 1000-летней истории Ярославля». Поэтому заказ был без промедления принят.

Юлиан НАДЕЖДИН